

Юз
АЛЕШКОВСКИЙ

*«Николай Николаевич»
и другие сочинения*

Санкт-Петербург

УДК 821.161.1
ББК 84(2Рос-Рус)6-44
А 49

Серийное оформление Вадима Пожидаева

Оформление обложки Егора Саламашенко

ISBN 978-5-389-25163-2

© Юз Алешковский (наследники),
2024
© А. И. Алешковский, статья, 2024
© Оформление.
ООО «Издательская Группа
„Азбука-Аттикус“», 2024
Издательство Азбука®

АВТОБИОГРАФИЧЕСКАЯ СПРАВКА

И с отвращением читая жизнь мою,
я трепещу и проклиная,
и горько жалуясь, и горько слезы лью,
но строк печальных не смываю.

Если бы величайший из Учителей, Александр Сергеевич Пушкин, не научил меня эдак вот мужествовать при взгляде на жизнь прошедшую, то я ни в коем случае не отважился бы самолично знакомить Читателя с небюрократизированным вариантом своей автобиографии.

Откровенно говоря, жизнь свою я считаю, в общем-то, успешной. Но для начала вспомним, что успех — от глагола «успеть».

Начнем с того, что успех сопутствовал мне буквально с момента зачатия родителями именно меня, а не другой какой-нибудь личности в Москве, суровой зимой 1929 года. Слава Богу, что я успел родиться в Сибири, в сентябре того же года, потому что это был год ужасного, уродливого Перелома и мало ли что тогда могло произойти.

Затем я успел возвратиться в Москву и познакомиться с уличным матом гораздо раньше, к сожалению, чем со сказками братьев Grimm. Потом я оказался в больнице с башкой, пробитой здоровенным куском асфальта, что навсегда нарушило в ней способность мыслить формально-логически и убило дар своевременного почтения здравого смысла.

Потом я пошел в детсад, но исключен был из него вместе с одной девочкой за совершенно невинное

и естественное изучение анатомии наших маленьких тел. Так что в школу я попал человеком слегка травмированным варварски бездушной моралью тоталитарного общества.

Прогуливая однажды, я свалился в глубокий подвал, повредил позвоночник, но выжил. Врачи и родители опасались, что я останусь лилипутом на всю жизнь, хотя сам я уже начал готовиться к карьере малюсенького циркового клоуна.

К большому моему разочарованию, я не только продолжал расти, но превратился в оккупанта Латвии вместе с войсковой частью отца; успешно тонул в зимних водах Западной Двины; потом успел свалить обратно в Москву и летом сорок первого снова махнуть в Сибирь, в эвакуацию.

Вообще, многие наиважнейшие события моей жизни произошли за Уральским хребтом. Так что я имею больше конкретных прав называться евразийцем, чем некоторые нынешние российские политики, стоящие одной ногой в Госдуме, другой в Индийском океане.

Во время войны, в Омске, я успел влюбиться в одноклассницу буквально за месяц до зверского указа Сталина о раздельном обучении двух полов. По другим предметам я в школе драматически не успевал. Это не помешало мне успеть не только схватить от любви и коварства, от курения самосада и голодухи чахотку, не только выздороветь, но и возвратиться в Москву здоровенным верзилкой — победителем палочек Коха, умеющим стряпать супы, колоть дрова, растить картошку, а также тайно ненавидеть вождя, с такой непонятной жестокостью прервавшего романтические общения мальчиков с девочками в советской школе.

Я был весельчаком, бездельником, лентяем, картежником, жуликом, хулиганом, негодяем, курильщиком, беспризорником, велосипедистом, футболистом, чревоугодником, хотя всегда помогал матери по дому, вос-

торженно интересовался тайной деторождения и отношения полов, устройством Вселенной, происхождением видов растений и животных и природой социальных несправедливостей, а также успевал читать великие сочинения Пушкина, Дюма, Жюль Верна и Майн Рида. Может быть, именно поэтому я ни разу в жизни своей никого не продал и не предал. Хотя энное количество разных мелких пакостей и грешков успел, конечно, совершить.

Я проработал с полгода на заводе, но школу кончить и вуз так и не успел, о чем нисколько не печалюсь. Вскоре произошло событие не менее, может быть, важное, чем победа именно моего живчика в зимнем марафоне 1929 года, года великого и страшного Перелома. Я без ума втрескался в соседку по парте в школе рабочей молодежи. Любовь эта напоминала каждую мою контрольную по химии: она была совершенно безответна. Дело не в этом.

К счастью, общая химия Бытия такова, что я с тоски и горя начал тискать стишки, то есть я изменил соседке по парте, Ниночке, и воспылил страстной любовью к Музе, которая впоследствии не раз отвечала мне взаимностью. Вообще, это было счастьем успеть почувствовать, что любовное мое и преданное служение Музе — пожизненно, но что все остальное — карьера, бабки, положение в обществе, благоволение властей и прочие дела такого рода — зола.

Потом меня призвали служить на флот. Переехав очередной раз Уральский хребет, я совершил ничтожное, поверьте, уголовное преступление и успел попасть в лагерь до начала корейской войны. Слава Богу, я успел дожить до дня, когда Сталин врезал дуба, а то я обогнал бы его с нажитой в неволе язвой желудка.

Вскоре маршал Ворошилов, испугавшись народного гнева, объявил амнистию. Чего я только не успел

сделать после освобождения! Исполнилась мечта всей моей жизни: я стал шофером аварийки в тресте «Мосводопровод» и навечно залечил язву «Московской особой».

Начал печатать сначала отвратительные стишки, потом сносные рассказы для детей. Сочинял песенки, не ведая, что пара из них будет распеваться людьми с очистительным смехом и грустью сердечной.

Вовремя успел понять, что главное — быть писателем свободным, а не печатаемым, и поэтому счастлив был пополнять ящик сочинениями, теперь вот, слава Богу и издателям, предлагаемыми вниманию Читателя.

Ну, какие еще успехи подстерегали меня на жизненном пути? В соавторстве с первой женой я произвел на свет сына Алексея, безрассудно унаследовавшего скромную часть не самых скверных моих пороков, но имеющего ряд таких достоинств, которых мне уже не занять.

Я уж полагал, что никогда на мой закат печальный не блеснет любовь улыбкою прощальной, как вдруг, двадцать лет назад, на Небесах заключен был мой счастливый, любовный брак с прекраснейшей, как мне кажется, из женщин, с Ирой.

Крепко держась друг за друга, мы успели выбраться из болотного застоя на берега Свободы, не то меня наверняка захомутали бы за сочинение антисоветских произведений. Мы свалили, не то я не пережил бы разлуки с Ирой, с Музой, с милой волей или просто спился бы в сардельку, заключенную в пластиковую оболочку.

В Америке я успел написать восемь книг за шестнадцать лет. Тогда как за первые тридцать три года жизни сочинил всего-навсего одну тоненькую книжку для детей. Чем не успех?

Разумеется, я считаю личным своим невероятным успехом то, что сообща со всем миром дождались мы

все-таки часа полыхания гнусной Системы, ухитрившейся, к несчастью, оставить российскому обществу такое гнилостное наследство и такое количество своих тухлых генов, что она долго еще будет казаться людям, лишенным инстинктов свободы и достойной жизнедеятельности, образцом социального счастья да мерою благонравия.

Так что же еще? В Америке, во Флориде, я успел, не без помощи Иры и личного моего ангела-хранителя, спасти собственную жизнь. Для этого мне нужно было сначала схватить вдруг инфаркт, потом сесть за руль, добросить себя до госпиталя и успеть сказать хирургам, что я согласен рискнуть на стопроцентную успешную операцию на открытом сердце.

Всего-то делов, но я действительно успел в тот раз вытащить обе ноги с Того Света, что, ей-богу, было еще удивительней, чем миг моего зачатия, поскольку...

Честно говоря, если бы я имел в 1929-м какую-нибудь информацию об условиях жизни на Земле и если бы от меня лично зависело, быть или не быть, то... не знаю, какое принял бы я решение. Впрочем, несмотря на справки об ужасах земного существования, о войнах, геноцидах, мерзостях Сталина и Гитлера, диком бреде советской утопии, террариумах коммуналок и т. д. и т. п., все равно я успел бы завопить: БЫ-Ы-Ы-ЫТЬ! — чтобы меня не обогнала какая-нибудь более жизнелюбивая личность. Возможно, это была бы спокойная, умная, дисциплинированная, прилежная, талантливая, честнейшая девочка, меццо-сопрано или арфистка, о которой мечтали бедные мои родители.

Одним словом, сегодня, как всегда, сердечно славо-словя Бога и Случай за едва ли повторимое счастье существования, я горько жалуясь и горько слезы лью, но, как бы то ни было, строк печальных не смываю; жену, детей, друзей и Пушкина люблю, а перед Свободой благоговею.

Понимаю, что многого не успел совершить, в том числе и помереть. Не знаю, как насчет остального, например хорошей натаски в латыни, греческом и английском, а врезать в свой час дуба я всегда успею.

Поверь, Читатель, в чем в чем, а в таком неизбежном деле ни у кого из нас не должно быть непристойной и истерической спешки.

Юз Алешковский

Николай Николаевич

*Светлое путешествие
в мрачном гадюшнике советской биологии*

*Ирине, Ольге и Андрею — на память
о комарах, свежей треске и землянике
Рижского взморья*

Вот послушай. Я уж знаю: скучно не будет. А заску-чаешь, значит полный ты мудила и ни хуя не петришь в биологии молекулярной, а заодно и в истории моей жизни. Вот я перед тобой мужик-красюк, приборак-лен, усами сладко пошевеливаю, «москвич» у меня хоть и старый, но бегаёт, квартира, заметь, не кооперативная, и жена — скоро кандидат наук. Жена, надо сказать, — загадка! Высшей неразгаданности и тайны глубин. Этот самый сфинкс, который у арабов — я короткометражку видел — говно по сравнению с ней. В нем и раскаль-вать-то нечего, если разобраться. Ну, о жене речь впе-реди. Ты помногу не наливай, половинь. Так забирает интеллигентней и фары не разбегаются. И закусывай, а то окосеешь и не поймешь ни хуя. Короче говоря, по-сле войны освободился я девятнадцати лет. Тетка меня в Москве прописала: ее начальник паспортного стола ебал прямо на полу в кабинете. И месяц я нигде не ра-ботал. Не хотел. Куропчил¹ потихоньку на садке², при-чем без партнеров, и даже пропаль пульнуть³ некому. Искусство. Видишь пальцы? Ебаться надо Ойстраху. Мои длинней. И, между нами, чуял я этими пальца-ми, что за купюры в лопатниках или просто в карма-нах. Цвет ихний пальчиками брал и ни разу не ошибся.

¹ Воровал.

² Толкучка при входе, например, в вагоны.

³ Передача бумажника, кошелька и т. п. напарнику.

А сколько таких парчушек, которые за рупь горят или за справку из домоуправления, которую они, фраера, тянут, как банкнот в миллион долларов, столько сил тратят, на цыпочках балансируют, вытягивают, а их — за жопу и в конверт. У нас не считается, сколько спиздил, главное — не воровать. Ну ладно, куропчу я себе помаленьку. Маршрут «Б» освоил и трамвая «Аннушка». Карточки, заметь, не брал. А если попадались, я их по почте отсылал или в стол находок перепуливал. Был при деньге. Жениться собирался. Вдруг тетка говорит:

— Сосед тебя в институт к себе берет. Лаборантом будешь. Все одно погоришь. Скоро срока увеличат. Мой сказывал, а у него брат на Лубянке шпионов ловит и все знает прямо от Берии.

И правда, указ вышел. От пяти до четвертака. Я перебздел. Везло мне что-то очень долго. И специальность получить хотелось, но работать я не любил. Не могу — и все. Хоть убей. Отучили нас в лагерях работать. Пришлось идти в институт к соседу все ж таки, потому что примета такая: если перебздел — скоро погоришь.

С соседом этим мы по утрам здоровались. Он в сортире подолгу сидел, газетой шуршал и смеялся. Воду спустит и хохочет. Ученые, они все авоськой стебанутые. По-моему, он тоже тетку ебал, и, в общем, устроился я в его лабораторию. По фамилии он был Кимза, нацию не поймешь, но не еврей и не русский. Красивый, но какой-то усталый, лет под тридцать.

— Будешь, — говорит, — реактивы носить, опыты помогать ставить. Захочешь — учиться пойдешь. Как?

— Нам, — говорю, — татарам одна хуй. Что ебать подтаскивать, что ебанных оттаскивать.

— Чтобы мата больше я не слышал.

— Ладно.

Неделю работаю. Таскаю хуйню всякую, склянки мою, язык солью какой-то обжег в обед и дрисстал дня четыре чем-то синим. Думал, соль поваренная, а она, падла, химическая была. Бюллетень не брал, однако. А то в жопу миномет вставлять бы начали, как в лагере. Чернил пузырек я тогда уделал, чтобы на этап северный не идти... В общем, работаю. Оборудую новую лабораторию. Микроскопов до хуя, приборов, моторов и так далее. Вдруг надоело упираться. Я даже пошалил. В буфете у начальника отдела кадров лопатник из «скулы»¹ увел ради искусства своей профессии. И, еб твою мать, что тут началось! Часа через полтора взвод в штатском приехал, из института никого не выпускают. Генеральный шмон, и разве только в очко² не заглядывают. А все из-за чего? Я с лопатником пошел посрать, раскрыл его, денег в нем нет. Одни ксивы. То есть доносы. И на моего Кимзу тоже донос. Дескать, науку хуй знает куда отодвигает, на собрании не поет, не хлопает, голосовал с отвратительным видом и выключает легкую музыку советских композиторов. Опыты его направлены против человека, который звучит гордо, и поэтому косвенно расшатывают экономику. Понял? Четвертаком завоняло для Кимзы. Пятьдесят восьмой. Но я стукачей не люблю. Чужими доносами подтерся. По ним, получалось, что весь институт — сплошной заговор осинового гнезда, а значит, и я в том числе? Донос на Кимзу я из сортира вынес. Лопатник мойкой³ расписал на части и в унитаз бросил. Дверь кто-то дергает, орет и бучует. Я вышел, объяснил, что химией обхавался и что дверь не зуб — не хуя ее дергать.

— Смотрите, — говорю Кимзе, — ксива на вас.

¹ Боковой карман.

² Анус.

³ Бритва.

Он прочитал, побледнел, поблагодарил меня, все понял — и хуяк бумажку в мощнейшую кислоту. Она у нас на глазах растворилась к ебени бабушке. Тут меня дергают к начкадрами. Я, разумеется, в несознанке.

— Не такие, — говорю, — портные шили мне дела, и то они по швам расползались на первой примерке!

— Показания есть, что ты сзади в очереди терся. Может, старое вспомнил?

— Ебал я эти показания. Много ли там денег-то хоть было?

— Денег совсем не было.

— Ну, тогда бы я на такое говно никогда не позарился.

Штатские посмеялись. Отдохнули, видать, с моим простым языком и отпустили.

Назавтра говорю Кимзе, что работать не буду. Принципиально я не рабочий, а артист своего дела. Я, говорю, на тахте люблю лежать и хавать книжки. Тут он странно так на меня посмотрел и, главное, долго и начал издавдалека насчет важности для всего человечества евонной науки — биологии и что он начинает опыты, равных которым не бывало. Одним словом, эксперимент. И я ему необходим. И что работа эта благодарная и творческая. Но самое интересное, что она и не работа, а одно удовольствие, причем высокооплачиваемое. Только без предрассудков к ней отнестись надо и с мыслью о будущем человечества. Он чаще всего на это дело напирал.

— Слушай, сосед, — говорю, — не еби ты мне мозгу, о чем речь-то?

— Ты должен стать донором.

— Кровь, что ли, сдавать?

— Нет, не кровь.

— Что же, — смеюсь, — говно или ссаки?

— Сперма нам нужна, Николай. Сперма!!!

— Что за сперма?

— То, из чего дети получаются.

— Какая же это сперма. Это — малофейка. Малофья, по-научному.

— Ну пусть малофья. Согласен сдавать для науки? Только не пугайся. Позорного в этом ничего нет. Кстати, полнейшая тайна тебе гарантируется.

— А ты сам чего не сдаешь? — подозрительно спрашиваю.

Он нахмурился.

— Могут обвинить в выборе объекта исследования по родственному признаку. Давай соглашайся.

Тут я сел на пол и стал хохотать. Ни хуя себе работа! Чуть не обоссался, и аппендицит заболел.

— Ржешь, как болван. Сядь и послушай, для чего нам нужна твоя сперма, — сказал Кимза.

Шутки шутками, а я прислушался, и оказалось, что план у Кимзы таков: я дрочу и трухаю, что одно и то же, а малофейку эту под микроскоп будут класть и изучать. Потом попробуют ввести ее в матку бесплодной бабе и посмотрят, попадет она или нет. Тут я его перебил насчет алиментов в случае чего. Заделаешь штукам пяти, а потом шевели рогами в получку.

— Это, — говорит, — пусть тебя не волнует.

И еще у него имелись совершенно тайные планы для моей малофейки. Обещал их рассказать, как только приступим к опытам. И веришь, встал мой сопливый от этих разговоров — хоть сейчас начинай! А это мне не впервой. В лагере каждый сотый не трухает, а остальные девяносто девять дрочат, как сто. Все дело в том, чтобы морально не переживать. Другой подроцит и ходит три дня как убитый, от самопозора страдает. И на всю жизнь себя этим переживанием калечит. Знал я Мильштейна Левку — мошенника. Отбой, кожаные движки начинают работать, а Левка зубами скрипит, борется с собой и затихает постепенно. Я его успокаивал.

— Организм требует, и нечего над ним издеваться. Он ни при чем. Не будь ему прокурором!

Ну ладно. Задумался я и спрашиваю Кимзу про условия. Сколько раз спускать? Какой рабочий день, оклад и название должности в трудовой книжке?

— Оргазм ежедневно по утрам, один раз. Оформим тебя техническим референтом. Оклад по штатному расписанию. Рабочий день не нормирован. Восемьсот двадцать рублей. После оргазма — в кино.

3

Я виду не подал, что удивился и даже охуел. Приду, думаю, струхну — и на трамвай «Аннушка» да в троллейбус «Букашку». В случае если погорю — смягчающее обстоятельство: работаю в институте. В общем, согласился. Вечером сходил к старому международному урке. Высшего класса был вор, пока границы не закрыли на Карацупу и его верного друга Ингуса.

— Ты, — говорит урка, — счастливчик и везунчик. Но продешевил. Ведь струхня дороже черной икры стоит. Почти как платина и радий. Пиздюк официальный ты! Я бы этим биологам поштучно свои живчики продавал. На то им и микроскопы дадены — мелочь подсчитывать. Поштучно, блядь! Понял?

— Понял, как не понять. Жопа я и вправду. Ведь живчик — это самый наш цимес. И на здоровье частая дрочка дурно повлияет. Не бзди, — говорю я урке, — цену я постепенно подниму. Не фраер.

— Жалко вот, нельзя разбавить малофейку. Ну вроде как сметану в магазине. Тоже навар был бы, — говорит урка.

— Еб твою мать! — по лбу себя стучаю. — Я придерживать буду при спуске. А потом с понтом вторую палку сверх плана выдам!

— Не советую, — серьезно так говорит урка, — нельзя прерывать половые сношения хотя бы и с Дунькой Кулаковой. Вредно. Я одну бабу из-за этого разогнал.

Только и вопила: «Кончай куда-нибудь в другое место!» — «Может, в среднее ухо?» — спрашиваю. «Все равно куда, лишь бы не в мутер!» У меня, блядь, на этой почве на ногах ногти почти перестали расти. Веришь? Пришлось разогнать ее. Так что уж кончай по-человечески. Тащи бутылку с получки. Да! Сдери с них молоко за вредность и скажи, что тех, которые кровь сдают, кормят бациллой¹ после сдачи. Не будь ффраерюгой. В Америке пять раз струхнешь — и машину покупаешь. Понял?

4

Ну, прихожу утром на работу, стараюсь, чтобы не смеяться. Стыдно немного, а с другой стороны — хули, думаю, краснеть? Пускай ебучее человечество пользуется. Может, на пользу ему еще пойдет... Смотрю, а для меня уже хавирку маленькую приготовили, метра три с половиной, без окон. Лампа дневного света. Тепло. Оттоманка стоит. На стуле пробирка.

— Ну вот, Николай, твое рабочее место, — говорит Кимза.

— Только договоримся — без подъебок, — отвечаю.

Тут Кимза и велел мне не развивать в себе какой-то комплекс неполноценности, а наоборот, гордиться.

— Располагайся. Приступай, как только я скамантую: внимание — оргазм! После оргазма закрой пробирку пробкой.

— Чтоб не разбежались?

— Работать быстро и без потерь! Читал объявление?

Я закрылся, прилег, задумался, вспомнил, как в побег ушли мы с кирюхой в бабский лагерь и переебли там всех вороваяк, а те, кому не досталось, все больше фашистки и ффраерши, трусы с нас содрали и на части их

¹ Жиры, мясо и т. п.

разодрали, чтобы хоть запах мужской иметь под казенными одеяльцами. Вспомнил, а сопливый уже, как кобра под дудку, головой в разные стороны поводит. Я тогда ебся редко, сразу струхнул. Полпробирки. Целый млечный путь, как говорил мой сосед по нарам, астроном по специальности. На него дружок стукнул, что он Землю как планету в рот ебет, если на ней происходит такая хуета, что ни в какие ворота не лезет. Прости, отвлекся, несу пробирку Кимзе.

— Ого, — говорит, — посмотрим. — И размазал немного на стеклышке, а остальное в какой-то прибор сунул, весь обледенелый и пар от него валит.

Посмотрел Кимза в микроскоп и глаза на меня вытаращил. Словно по облигации выиграл.

— Ну, Николай, — говорит, — ты супермен! Суперчеловек! Невероятно! Почему — не спрашивай. Потом поймешь. Я тебя поднатаскаю в биологии.

— Посмотреть-то можно?

— В другой раз. Сейчас иди. До завтра.

Ну, я вежливо говорю, что в Америке дороже платят и питаться надо после каждой палки от пуза, а то подрочу с неделю, и вся наука остановится: кончится моя малофейка.

— А что бы ты хотел иметь из закуски? Учти, что с продуктами сейчас трудно. Вся страна, кроме вождей и главмагов, голодает.

— Мяса грамм двести, — говорю, — хлеб с маслом. Можно семечек стакан. Чаю покрепче.

— Зачем же семечки? — спросил Кимза. Я и отвечаю, что во время дрочки другой рукой можно от скуки грызть семечки.

— Семечек не будет, — разозлился Кимза. — А на счет мяса похлопочу. Мой шеф — академик-вегетарианец. Возьму его карточку. Он огромное значение тебе придает.

Алешковский Юз

А 49 «Николай Николаевич» и другие сочинения / Юз Алешковский. — СПб. : Азбука, Азбука-Аттикус, 2024. — 576 с. — (Азбука-классика).

ISBN 978-5-389-25163-2

Юз Алешковский (1929–2022) — русский писатель и поэт, автор популярных «лагерных» песен, которые не исполнялись на советской эстраде, тем не менее обрели известность в народе, их горячо любили и пели, даже не зная имени автора. Перу Алешковского принадлежат также такие произведения, как «Николай Николаевич», «Маскировка», «Кенгуру» и др., которые тоже снискали народную любовь, хотя на родине писателя большая часть их была издана лишь годы спустя после создания. По словам Иосифа Бродского, в лице Алешковского мы имеем дело с уникальным типом писателя «как инструмента языка», в русской литературе таких примеров немного: Николай Гоголь, Андрей Платонов, Михаил Зощенко... «Сентиментальная насыщенность доведена в нем до пределов издевательских, вымысел — до фантазмагорических», — писал Бродский, это «подлинный орфик: поэт, полностью подчинивший себя языку и получивший от его щедрот в награду дар откровения и гомерического хохота».

УДК 821.161.1

ББК 84(2Рос-Рус)6-44

Литературно-художественное издание / Әдеби-көркем басылым

ЮЗ АЛЕШКОВСКИЙ
«НИКОЛАЙ НИКОЛАЕВИЧ»
И ДРУГИЕ СОЧИНЕНИЯ

Ответственный редактор Оксана Сабурова
Художественный редактор Егор Саламашенко
Технический редактор Мария Антипова
Компьютерная верстка Владимира Сергеева
Корректоры Юлия Теплова, Анна Быстрова

Подписано в печать / Баспаға қол қойылды 12.04.2024.
Формат издания 76 × 100 ¹/₃₂. Печать офсетная. Тираж 3000 экз.
Усл. печ. л. 25,38. Заказ №

Изготовитель: ООО «Издательская Группа
„Азбука-Аттикус“» –
обладатель товарного знака АЗБУКА®,
115093, Москва, вн. тер. г.
муниципальный округ Даниловский,
пер. Партийный, д. 1, к. 25
Тел. (495) 933-76-01, факс (495) 933-76-19
E-mail: sales@atticus-group.ru

Филиал ООО «Издательская Группа
„Азбука-Аттикус“» в г. Санкт-Петербург,
191024, Санкт-Петербург,
Херсонская ул., д. 12–14, лит. А
Тел. (812) 327-04-55
E-mail: trade@azbooka.spb.ru
www.azbooka.ru; www.atticus-group.ru
Отпечатано в России.

Өндіруші: «Издательская Группа
„Азбука-Аттикус“» ЖШҚ –
АЗБУКА® тауар белгісінің иесі,
115093, Мәскеу, қ. іш. аум.
Даниловский муниципалдық округі,
Партийный т.ш., 1-үй, к. 25
Тел. (495) 933-76-01, факс (495) 933-76-19
E-mail: sales@atticus-group.ru

Санкт-Петербург қ. «Издательская Группа
„Азбука-Аттикус“» ЖШҚ филиалы,
191024, Санкт-Петербург,
Херсон көшесі, 12–14 үйі, лит. А
Тел. (812) 327-04-55
E-mail: trade@azbooka.spb.ru
www.azbooka.ru; www.atticus-group.ru
Ресейде басып шығарылған.

Техникалық реттеу туралы РФ заңнамасына сай басылымның сәйкестігін растау туралы
мәліметтерді мына адрес бойынша алуға болады: <http://atticus-group.ru/certification/>.

Знак информационной продукции
(Федеральный закон № 436-ФЗ от 29.12.2010 г.)
Ақпараттық өнім белгісі
(29.12.2010 ж. № 436-ФЗ федералдық заң)

18+

A-VAK-34151-81-R